

УДК 94:271.2 (470.5)

ББК 63.3 (235.55) — 37

Изъятие церковных ценностей — один из видов борьбы советской власти с Русской православной церковью (на материалах Уральского региона)

А.Л. Худобородов¹, М.А. Яшина²

¹ Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладощина (Челябинск, Россия)

² Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск, Россия)

The Confiscation of Church Property is One of the Forms of the Soviet Regime Struggle against the Russian Orthodox Church. Case Study of the Ural Region

A.L. Hudoborodov¹, M.A. Yashina²

¹ M.V. Ladoshin Chelyabinsk Institute of Economics and Law (Chelyabinsk, Russia)

² Chelyabinsk State Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia)

Рассматривается государственная политика в отношении Русской православной церкви (РПЦ) в период массового голода в начале 1920-х гг. Несмотря на готовность духовенства жертвовать для помощи голодающим часть церковной утвари, ВЦИК издаёт декрет об изъятии ценностей из храмов, что было обосновано решением западных держав об оказании помощи голодающим в Советской России только в обмен на культурные, исторические и религиозные ценности. На заседании Политбюро ЦК РКП (б) Л.Д. Троцким внесено предложение о реорганизации Русской православной церкви и внесении раскола в ее ряды. Отношение священнослужителей и мирян к изъятию было неоднозначным: одни выступали категорически против; другие поддерживали передачу имеющихся в церкви драгоценностей; третьи, соглашаясь с необходимостью передачи церковных ценностей для спасения голодающих, выражали сомнения в использовании полученных средств по прямому назначению. Вопреки ожиданиям большевиков сумма была весьма незначительной, так как основная масса ценностей была изъята еще в годы Гражданской войны. Намного больше оказался политический выигрыш. Русской православной церкви был нанесен страшный удар, охватывающий как материально-имущественную, так и духовную сферы.

Ключевые слова: изъятие церковных ценностей, советская власть, Русская православная церковь.

The article considers the state policy regarding the Russian Orthodox Church (ROC) in the period of mass famine in the early 1920s. Despite the willingness of the clergy to donate some items of church ware to help the hungry the All-Russian Central Executive Committee issued a decree on the confiscation of the Church property. The confiscation was justified by the decision of the Western powers to provide famine relief to Soviet Russia only in exchange for cultural, historical and religious property. At the meeting of the Politburo of the Central Committee of Russian Communist Party (Bolsheviks) (RCP (b) L.D. Trotsky suggested the reorganization of the Russian Orthodox Church and the initiation of the new church dissent. The confiscation caused controversy among the clergy and the laity. Some spoke strongly against; others supported the importance of Church valuables transfer, and still others, admitting the necessity to use the Church valuables for famine relief expressed doubts about their use for intended purpose. Contrary to expectations of the Bolsheviks the benefits gained were very small, as most of the property had been confiscated in the years of the civil war. But the political gain was more important. The Russian Orthodox Church suffered a violent blow both at its property and its spiritual sphere.

Key words: the confiscation of Church valuables, Soviet power, the Russian Orthodox Church.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-34

Массовым голодом, поразившим Россию в начале 1920-х гг., воспользовалась советская власть для «молниеносного» проведения изъятия ценностей из богатейших православных лавр, монастырей и церквей. Под предлогом гуманных и благородных целей — помочь голодающему населению — советские органы власти преследовали далеко идущие планы по устранению влиятельного и сильного противника — Русской православной церкви (РПЦ).

Изъятие церковных ценностей должно было стать не столько составной частью кампании помощи голодающим, сколько частью секретной кампании по учету, сосредоточению и распродаже за границей национализированных богатств. В случае исполнения намеченного плана правящая верхушка считала вполне реальным решение стоящих перед нею проблем финансовой стабилизации, возрождения денежной и экономической систем, оплаты контрибуций по мирным договорам, поддержки обороноспособности и зарубежного коммунистического движения, мировой революции и в целом обеспечения жизнеспособности властвующего режима.

Следует отметить, что Церковь изначально пыталась принять посильное участие в помощи голодающим, о чем свидетельствуют неоднократные обращения первоиерарха в проповедях и посланиях с призывами к православной пастве, к зарубежным иерархам и народам мира о добровольных пожертвованиях гибнущим от голода.

На IX Всероссийском съезде Советов, проходившем в Москве с 23 по 28 декабря 1921 г., с докладом о тяжелом экономическом положении страны выступил нарком по военным и морским делам и председатель революционного военного совета РСФСР Л. Д. Троцкий. Он обратил особое внимание делегатов на острую нехватку средств на оборонные нужды, катастрофически малые размеры золотого запаса и на необходимость изъятия церковных ценностей. Партийные эксперты пришли к выводу, что в распоряжении православных епархий находится столько ценностей, что за счет этих средств можно было прокормить до нового урожая несколько десятков миллионов человек.

Несмотря на готовность духовенства жертвовать для помощи голодающим часть церковной утвари, не имеющей богослужебного употребления, 23 февраля 1922 г. ВЦИК издает декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих: «... в первую очередь подлежат изъятию ценности наиболее богатых храмов, монастырей, синагог, часовен и т. д. Драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа.

Примечание: Комиссия приступает к работе в наиболее богатых храмах, не ожидая всей описи по губернии. При отсутствии в наличии какого-либо

предмета, находившихся в пользовании группы верующих, о сем составляется особый протокол и передается следственным органам для производства расследования и привлечения виновных к ответственности» [1, с. 188–189].

Патриарх отреагировал на декрет воззванием от 28 февраля, в котором заявил о недопустимости изъятия священных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается ею как святотатство». Однако диалог между Церковью и властью не состоялся. Большевицкое руководство не могло допустить серьезного влияния церковных структур на происходящее в стране. Решительным образом прогив участия Церкви в помощи голодающим выступали В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Е. М. Ярославский.

10 марта 1922 г. нарком внешней торговли Л. Б. Красин докладывал председателю Совета Народных Комиссаров о необходимости создания за границей синдиката по продаже драгоценностей, реквизируемых из церквей и храмов. Изъятие было обосновано решением западных держав о поставках хлеба только в обмен на культурные, исторические и религиозные ценности [2, с. 173]. На страницах газеты «РОСТА» в Шадринске было опубликовано: «На твои склады мы доставим одежду, пищу, обувь для миллионов людей всей страны Советская Россия ... мы рады торговать с тобой. Нам нужно получить от тебя платину, кожи, пушнину, лён, минеральные и другие богатства, которых в России так много» [3].

На заседании Политбюро ЦК РКП (б), состоявшемся 30 марта 1922 г., председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий внес предложение о ликвидации Русской православной церкви в том виде, в котором она существует. Он констатировал, что в Церкви складываются два течения: одно контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией, другое — советское, со сменовеховской. Председатель Реввоенсовета настаивал, что в первую очередь необходимо уничтожить контрреволюционное духовенство, в руках которого находится вся церковная власть, и для этого необходимо опереться на сменовеховское духовенство, которое является для революции «врагом завтрашнего дня». При этом Троцкий предупреждал, что если бы «сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то оно стало бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде. Ибо, принимая покровительственную «советскую» окраску, «передовое» духовенство открывает себе тем самым возможность проникновения и в те передовые слои трудящихся, которые составляют, или должны составить нашу опору» [4, с. 161–164]. ЦК РКП (б) указал органам ГПУ 3 апреля 1922 г., что необходимо последовательно раскалывать духовенство на высшее и низшее.

Комиссия по изъятию церковных ценностей констатировала, что самое удобное время изъятия — перед Пасхой, упущено. А также отмечалось, что темп изъятия ценностей в некоторых губерниях задерживается идущей посевной, в ряде мест была отмечена «расхлябанность, неточное выполнение инструкции». В итоге было принято решение предложить ЦК принять меры к губкомам, виновным в задержках указанных мероприятий.

Отношение священнослужителей и мирян к изъятию было неоднозначным. Одни выступали категорически против; другие поддерживали сдачу имеющихся в церкви драгоценностей; третьи, соглашаясь с необходимостью использования церковных ценностей для спасения голодающих, выражали сомнения в их использовании по прямому назначению.

Епископ Борис (Шипулин), назначенный в декабре 1921 г. в Уфимскую епархию, через местную печать в открытом письме отмечал об изъятии ценностей из церквей, что «Церковь никогда не отказывала в помощи государству и в настоящий момент все нужное Церковь отдаст на нужды голодающего населения». В середине апреля епископ Борис написал воззвание к верующим мирянам и духовенству с призывом «пойти в этой мере навстречу и отдать все лишнее и ненужное в храмах». Епископ Борис пожелал, чтобы изъятие произошло «миролюбиво и без ущерба для надобности Церкви и без проявления психопатизма» [5, с. 45].

Интересную оценку позиции епископа Григория (Яцковского) по вопросу изъятия церковных ценностей раскрыл осведомитель ВЧК-ОГПУ в 1922 г.: «Будучи в мае месяце [1922 г.] у епископа Григория, я в разговоре с ним на тему об изъятии церковных ценностей узнал, что он смотрит на это дело отрицательно. Считая явление это не каноническим, архиерей к тому же сомневается, что ценности эти пойдут на удовлетворение голодающих, его окончательное убеждение, что они пойдут на удовлетворение личных appetитов коммунистов. На днях по почину Каслинского благочинного Голубятникова, привезены были оттуда церковные ценности для сдачи их в финотдел. Представители привезли ценности, зашли к епископу, спрашивая Его благословения на это святое дело, но епископ, закричав на них, затопал ногами и, спрашивая, кто разрешил им это сделать. Говоря, что он не согласен добровольно выдать ценности коммунистам, он заставил Каслинских представителей, предварительно запугав их проклятьями, увести эти ценности обратно и поставить их на свое место» [6, л. 85].

Политбюро ЦК РКП (б) 23 марта 1922 г. дало указание местным партийным органам приступить к широкомасштабному, решительному и полному изъятию церковных ценностей по всей стране («печати взять бешеный тон», «коноволов расстрелять») [4, л. 85].

Однако темпы изъятия затягивались и не удовлетворяли власти. В губернии и уезды комиссия по изъятию церковных ценностей отправляла телеграммы с требованием ускорить изъятие: «Декрет был принят и опубликован, на места правительством даны были директивы проявлять мягкость, но не оставлять ни одной ценной вещи, ибо каждый золотник серебра или золота даст возможность спасти несколько жизней» [7, л. 2].

ВЧК еженедельно готовила сводки о политической ситуации в стране, в которых в специальном разделе «Духовенство» отражались настроения служителей культа, отношение к голоду, к изъятию церковных ценностей. В сводке Бюро Центральной комиссии по изъятию ценностей в ЦК РКП (б) от 10 мая 1922 г. говорилось о том, что Екатеринбургская губерния приступила к изъятию с опозданием, из-за ненужных дискуссий с духовенством и верующими. В этой же сводке сообщалось: «В Камышлове 20 граждан явились в собор с протестом против изъятия. Причт¹ предложил продолжить работу комитета по изъятию церковных ценностей до решения общего собрания верующих. Собрание верующих решило об изъятии ценностей в положительном смысле». Далее в сводке отмечалось, что 25 апреля 1922 г. в Екатеринбурге комитет по изъятию церковных ценностей в работе приступит в ближайшие дни. Большинство верующих в городе вынесли постановление с протестом против изъятия, арестован открыто агитирующий против изъятия протоиерей. На местах ведется подготовительная работа. В Ирбите духовенство отказалось от участия в изъятии, ссылаясь на распоряжение патриарха. Отношение масс рабочих в большинстве сочувственное, крестьян — недоброжелательное, отчасти под влиянием агитации кулацких элементов [7, л. 20]. В итоге в Екатеринбургской губернии было изъято 480 пудов 15 фунтов 69 золотников серебра (7867 кг), 12 фунтов 71 золотник 85 долей золота (5,1 кг) и большое количество драгоценных камней [8, с. 77–81].

Губисполком Оренбургской губернии сообщал в Москву, что 21 марта 1922 г. духовенство распространяло слух о том, что ценности изымаются для нужд советской власти. 11 апреля были обнаружены скрытые от описи более трех пудов золотых вещей. Этот инцидент расследуется. 16 апреля постановлением губкомпартии по просьбе духовенства и в связи с другими обстоятельствами решено изъятие ценностей произвести после Пасхи. Местное духовенство, в частности, Оренбургский архиерей, высказалось за необходимость сдачи ценностей. К концу мая было собрано 100 пудов серебра [7, л. 69].

Из Уфимской губернии местные власти сообщали в столицу, что 2 апреля 1922 г. на совмест-

¹ Состав лиц, служащих при какой-либо одной церкви (приходе): священнослужителей (священник и дьякон), так и церковнослужителей (псаломщики, певчие и др.) .

ном собрании губкомпрода представители духовенства высказались за необходимость изъятия, однако местный епископ отнесся к этому недоброжелательно. Духовенство не выражает прямо свое мнение. Рабочие и красноармейцы категорически требуют изъятия. Все лица, агитирующие против изъятия, взяты на учет, многие из них арестованы за неисполнение различных постановлений местной власти. Изъятие, как считают власти, происходит спокойно. Из местного собора изъято 6 пудов серебра. К 3 апреля 1922 г. изъятие ценностей в Уфе было закончено, всего было изъято 30 пудов серебра. На собрании в Златоусте церковнослужители отвергли изъятие, мотивируя это решение тем, что прихожане якобы не согласятся сдавать ценности. Со слов представителя Уфимского губкома, планируется собрать от 100 до 200 пудов серебра [7, л. 69]. В результате кампании, завершенной 16 июня 1922 г., по Златоустовскому уезду изъято 16 пудов 34 фунта 72 золотника ценностей (276 кг), дензнаков — 14 рублей 80 копеек, золотом — 5 рублей, риз священнических — 12 комплектов, камней с икон — 48 штук [9, с. 57].

По сведениям денгубфинотдела, серебро отправлялось в Екатеринбург, а остальные церковные ценности — в Москву, в Гохран [10]. В телеграмме от 9 августа 1922 г. заместитель председателя Башпомгола А. Савельев сообщал, что по состоянию на 19 июня в Госбанк сдано 12 кг серебра. Госбанк отправил в Екатеринбург 31 июля 1922 г. серебра в изделиях 2 т 136 кг 427 г, остатки ценностей будут отправлены в Гохран.

Власти Челябинской губернии сообщали в Москву, что 13 апреля 1922 г. в Троицке изъято 13 пудов серебра. В Верхнеуральске священники уничтожают знаки пробы, один из них арестован. В Куртамыше население к изъятию относится недоверчиво. 16 апреля в Миассе состоялось совещание духовенства совместно с комиссией, священник Носов ссылаясь на невозможность изъятия ценностей без санкции высшей епархии. В Кургане городские церкви избрали свои комиссии. 21 апреля 1922 г. священник Троицкой церкви во время богослужения призывал верующих жертвовать всем, кто чем может, в пользу голодающих; не слушать шептунов, которые агитируют против сдачи, так как серебра и золота Христу не нужно. Всего изъято 3 пуда 30 фунтов серебра.

В 1920-х гг. епископ Дионисий объехал несколько волостей Челябинского уезда, призывал крестьян защищать церковь от посягательства богоотступников [7, л. 72]. В результате кампании, завершенной в 1922 г. в Курганском уезде, включая и город, изъято: 44 пуда 2 фунта 12 золотников серебра, а так-

же 29 фунтов 33 золотника медных денег [11, л. 83–83 об.].

Подобное и часто негативное отношение населения к изъятию церковных ценностей было характерно и для других регионов страны. В итоговой ведомости, которая поступила в Политбюро лишь 1 ноября 1922 г., отмечалось, что по стране было изъято всего ценностей: золота — 553 кг 66 г, серебра — 393 т 80 кг 29 г, бриллиантов — 35670 штук, прочих драгоценных камней — 71762 штуки, жемчуга — 242 кг 44 г, золотой монеты — 3115 руб., серебряной монеты — 19155 руб., различных драгоценных вещей — 864 кг 6 г. Общая стоимость изъятого (не включившая стоимость 964-х «антикварных вещей») оценена в 4650810 руб. 67 коп. (в золотых рублях) [4, с. 183–184].

Именно на организацию самой кампании израсходовали основную часть средств, так, по сметам только за апрель 1922 г. технические расходы московских, петероградских и губернских комиссий по изъятию составили 1559592 руб. золотом. Другая часть средств ушла на военные нужды: 12 ноября 1922 г. Совет труда и обороны постановил 5% с реализуемых за церковные ценности сумм отдавать на усиление обороны республики. Третья часть средств пошла на оплату расходов по антитихоновской агитации [12, с. 110–111]. Современные исследования показывают, что голодающим досталось лишь минимальное количество церковных ценностей для покупки продуктов за границей.

По сравнению с ожиданиями большевиков сумма была весьма незначительна, так как основная масса ценностей была изъята еще в годы Гражданской войны. Намного больше оказался политический выигрыш. Русской православной церкви был нанесен страшный удар, охватывающий как материально-имущественную, так и духовную сферы.

В ходе кампании по изъятию ценностей было отмечено 1414 столкновений представителей Церкви и государства. Советская власть обвинила Церковь в намеренном укрывательстве средств, способных остановить голод. В числе первых был арестован патриарх Тихон. Ему инкриминировали все полторы тысячи кровавых эксцессов, происшедших в стране в результате изъятия ценностей [12, с. 16]. Спротивление спровоцировало волну репрессий против духовенства и активных мирян.

Таким образом, деятельность Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей как инструмента власти послужила прологом к углублению репрессивных мер по отношению к Церкви, направленных непосредственно на уничтожение самого церковного института.

Библиографический список

1. Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. — М., 1994.
2. История Русской православной церкви. От восстановления патриаршества до наших дней, 1917–1970 / под ред. М.Б. Данилушкина. — СПб., 1999. — Т. 1.
3. Стенная газета «РОСТА». — 1920. — 8 июля.
4. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925. — М., 1997.
5. Егоров А.В. Изъятие церковных ценностей и начало обновленческого раскола в Башреспублике и Уфимской губернии в 1922 г. // Религии в Башкортостане: история и современность. — Уфа, 1997.
6. Государственный архив административных органов Свердловской области. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 46693. — Т. 2.
7. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 1235. — Оп. 140. — Д. 72.
8. Архивы Урала. — № 1 (7). — Екатеринбург, 2002.
9. Златоустовские купола / сост. Л.П. Заева, А.В. Козлов. — Златоуст, 2001.
10. Власть труда. — 1922. — 9 сент.
11. Государственный архив Курганской области. — Ф. 635. — Оп. 3. — Д. 3.
12. Православная Церковь в советское время (1917–1991) / сост. Г. Штриккер — СПб., 1995.